

Стоявший сзади мужчина с ножом для забоя свиней сказал: «Продавец рыбы, ты что, нашего начальника в дураки выставить хочешь? Твоя дочь, конечно, работающая, да вот уже за тридцать, а замуж не взяли. И вид-то у неё пугающий. Да и грамоте слаба. Наш начальник — человек учёный, глянь на него — ясно, что женится на красавице-стихотворке. А вот моя Чжу Чжу не только стихи слагать умеет, но и лицом пригожа несказанно».

Чай Цзыжань, сидевший по левую руку от Мо Цзюцзюня, одобрительно закивал: «Верно, верно, Чжу Чжу и впрямь красавица, очень даже». Затем он повернулся к старухе, глаза его превратились в месяц: «И Хуахуа хороша, пленительна, особенно станом — просто загляденье». Взгляд его скользнул к старику с корзиной: «А Хуэй хоть и не красавица, зато проста и трудолюбива, стряпает — пальчики оближешь. И девушка из кузницы с серебряной шпилькой, и красавица Сюй из Роши Опьяняющих Цветов, и Ин Ин из Покоев Таотао — все эти красотки одно загляденье...»

Мо Цзюцзюнь холодно процедил: «Как я погляжу, писарь Цзыжань у нас большой знаток!»

Мужчина с ножом для забоя свиней взмахнул своим орудием, презрительно покосился на Чай Цзыжана и буркнул: «Ещё бы не знать! Целыми днями к моей Чжу Чжу пристаёт». И, злобно уставившись на писаря, добавил: «Проваливай! Моей Чжу Чжу такой шушер не нужен».

Старик с корзиной оживился: «Если мяснику не надо, то моей А Хуэй сгодится! Ей уже тридцать, а замуж так и не вышла».

Старуха, вытянув шею, уставилась на Чай Цзыжана: «Господин Цзыжань, а ты свою помолвку-то расторг? Если расторг, побыстрее женись на моей Хуахуа. Если нет — приходи в Терем Хуахуа, поддержи мою девочку, я тебе скидку сделаю. Хоть один юань сэкономь...»

Раздался оглушительный грохот — и новый стол, установленный в зале суда лишь вчера, разлетелся на куски.

Все простолюдины, увидев, как лицо Мо Цзюцзюня почернело от ярости, в страхе отпрянули на несколько шагов.

Мо Цзюцзюнь, сжав кулаки в камень, медленно опустил их на колени, а затем со всей силы ткнул ногой в уже развалившийся стол, отчего тот треснул ещё сильнее.

Старуха первой опомнилась. Ухватив старика с корзиной за рукав, она затараторила: «Продавец рыбы, сколько там рыбы моя Хуа съела? Я заплачу».

Старик с корзиной, украдкой глянув на Мо Цзюцзюня и весь затрясшись, забормотал: «Ладно, ладно, давай обсудим на ходу».

«Хорошо, хорошо!» — старуха потащила его за рукав, и они, расталкивая толпу зевак, поспешно ретировались.

Мужчина с ножом для забоя свиней посмотрел на развалившийся стол, затем на свои короткие ноги, сглотнул и захихикал: «Ничего, ничего... Если начальнику моя Чжу Чжу не по нраву, это пустяки, вовсе пустяки, не важно, не важно...»

Служители в казённых одеяниях стройными рядами предстали перед толпой зрителей и принялись бить длинными посохами об пол, издавая ритмичный грохот. Обычные служащие таким стуком уже могли напугать простой народ, а уж эти, с суровыми лицами и грозным видом, и вовсе заставили всех присутствующих похолодеть от страха.

Послушав стук, Чай Цзыжань решил, что те недостаточно стараются, и, подняв руку, прервал их: «Вы же должны не просто стучать, а ещё и выкрикивать “Вэнь-у!” (Порядок!), иначе на суд не похоже».

Один из суровых служителей ответил: «Мы, когда убиваем, обычно сразу мечом рубим. Не знали, что палками для устрашения ещё и такое выкрикивать полагается». Он почтительно сложил руки: «Благодарим писаря Цзыжаня за науку». Все служители дружно застучали и заорали: «Вэнь-у! Вэнь-у! Вэнь-у!»

Служители орали громко и стучали мощно, так что не прошло и четверти часа, как в зале осталось стоять всего двое.

Мо Цзюцзюнь, всё ещё пылая гневом, метнул взгляд в сторону. Его и без того чёрное лицо налилось багрянцем. Он проследил за взглядом Чай Цзыжаня и увидел женщину, стоящую на коленях в зале. На ней было лёгкое платье цвета молодого абрикоса, волосы убраны в изящную причёску, украшенную нежно-розовым цветком. Кожа её была белоснежной, глаза полны чувств, а под уголком губ красовалась мушка, делавшая её настоящей роковой красавицей.

Мо Цзюцзюнь опустил взгляд на судейский молоток у своих ног — стол был разрушен, и молоток упал на пол.

Суй Фэн наклонился, поднял молоток и подал его Мо Цзюцзюню. Тот, взяв его в руку, мрачно уставился на Чай Цзыжаня. Тот же, не ведая о нависшей над ним угрозе, не отрывал глаз от коленопреклонённой красавицы. Та, почуввав неладное, украдкой бросила томный взгляд на начальника.

Чай Цзыжань наконец оторвал взгляд от красавицы, но не успел и слова вымолвить, как чёрный судейский молоток с грохотом шлёпнулся на стол, приготовленный для писаря. Он поднял благодарный взгляд на Мо Цзюцзюня, проигнорировав его ледяное выражение лица, и одобрительно показал большой палец.

Чай Цзыжань всё ещё размышлял, чем бы привлечь внимание негодяя, из-за которого красавица стоит на коленях. С судейским молотком в руке проблема решилась сама собой. Он ударил им по столу: «Дерзкий! Госпожа Суй из Роци Опьяняющих Цветов стоит перед начальником на коленях, а ты почему не стоишь? Ты суд презираешь или нашего начальника?»

Негодяй с раздражённым лицом посмотрел на Мо Цзюцзюня, который, даже лишившись стола, излучал недюжинную силу. В конце концов, он не посмел противиться и опустился на колени: «Не смею, Ваша милость».

Чай Цзыжань снова грохнул молотком: «Ха! Осмелился приставать к женщине, осмелился не пасть ниц перед начальником сразу, как вошёл в зал суда — да чего ты только не смеешь!» Он вскочил на ноги и, глядя на великолепную красавицу словно преданный пёс, едва не уступил ей своё место: «Красавица, не стойте на коленях! Пол в зале суда жёсткий и холодный, колени себе отобьёте — мне же больно будет!»

Госпожа Суй уже собралась было подняться, но Мо Цзюцзюнь, с лицом темнее тучи, не выдержал и рявкнул: «Дерзость!»

Чай Цзыжань тут же стукнул молотком и с праведным гневом уставился на негодяя: «Дерзость! Начальник сказал — ты дерзкий!»

Мо Цзюцзюнь бросил на него взгляд: «Я о твоей дерзости!»

Чай Цзыжань замер, затем обмяк и плюхнулся обратно на табурет, обиженно пробормотав: «Но это ты велел мне дело рассматривать». Он потряс молотком: «И даже это мне дал».

«Ты...» — Мо Цзюцзюнь стиснул зубы и, уставившись на госпожу Сюй, спросил: «В чём дело?»

Чай Цзыжань, видя, как красавица съёжилась от страха, с праведным негодованием воскликнул: «Ваше превосходительство, так дело не ведут! Вы девушку пугаете!»

Мо Цзюцзюня от этих слов закололо в груди. Его взгляд стал леденящим, словно острые льдины: «Я здесь начальник, и буду вести дело, как мне угодно!» — и, гневно ткнув пальцем в госпожу Сюй, изрёк: «Ты нарушила порядок в зале суда, пыталась обольстить писаря, дабы ввести меня в заблуждение. Три года каторжных работ».

Госпожа Сюй содрогнулась, поползла вперёд, и в глазах её отразился ужас: «Ваша милость, я невиновна! Невиновна!»

Чай Цзыжань, потрясённый таким вердиктом, смотрел, как госпожу Сюй волокут прочь дюжие служители. Та, всхлипывая, кричала о своей невинности, пока её грубо не заткнули грязной тряпкой. Она мотала головой, пытаясь дотянуться до Чай Цзыжаня, но была всего лишь хрупкой женщиной и не могла противостоять железным мужчинам.

Чай Цзыжань подбежал к Мо Цзюцзюню, пал на колени и стал умолять: «Мо Цзюцзюнь, господин Цзюцзюнь! Если ты гневаешься на меня за то, что я самовольно взялся за дело, заточи меня, но не срывай зло на других! Моя жизнь — грош цена, сорви зло на мне!» Он придвинулся к Мо Цзюцзюню и схватил его руку, поднося к своему лицу.

Мо Цзюцзюнь, вне себя от ярости, схватил его за ворот: «Ты ради этой женщины до такого унижения дошёл? С детства ты ни разу передо мной на колени не становился, а теперь...»

«Становился!» — неожиданно взревел Чай Цзыжань, широко раскрыв глаза. — «Мо Цзюцзюнь, зачем ты меня преследуешь? Я встал перед тобой на колени в десять лет и сказал, что между нами всё кончено!»

Ярость в груди Мо Цзюцзюня полыхнула с новой силой. Ему захотелось прибить Чай Цзыжаня на месте. С оглушительным грохотом он со всей силы лягнул и без того «тяжелораненый» стол. Одна из уже расколотых досок вылетела из зала суда, с грохотом ударилась о землю и разломилась ещё на несколько частей. Мо Цзюцзюнь оттолкнул Чай Цзыжаня и, с горящими глазами, изрёк: «Писарь пытался укрыть преступницу. Не подпускать его к тюрьме ни на шаг!»

...

Луна сияла, звёзды были редки, лёгкий ветерок ласкал лицо.

«Почему? Почему? Почему?» — Чай Цзыжань, пьяный в стельку, сидел в своих покоях, обнимая полупустую бутылку вина. Глядя на потолок, он то всхлипывал, то горько смеялся.